

Σ.Α.Α
Секретно.

442.

ОТЧЕТЪ

директора Рижской Александровской гимназіи **Е. Бѣлявскаго** о письменныхъ работахъ по русскому языку на испытаніи зрѣлости въ гимназіяхъ и на окончательныхъ экзаменахъ въ реальныхъ училищахъ Рижскаго учебнаго округа въ маѣ 1897 года.

Всѣми учебными заведеніями округа доставлено 265 работъ: гимназіями 172 работы абитуриентовъ и 13 экстерновъ; реальными училищами 75 работъ абитуриентовъ и 5 экстерновъ.

А. Гимназіи.

Общій обзоръ работъ, доставленныхъ гимназіями.

Чтеніе работъ абитуриентовъ Рижскаго учебнаго округа въ продолженіе уже нѣсколькихъ лѣтъ дало мнѣ возможность замѣтить большой постепенный успѣхъ учениковъ гимназій округа въ русскомъ языкѣ. Это не столько видно изъ отмѣтокъ, выставляемыхъ абитуриентамъ, сколько получается отъ впечатлѣнія при чтеніи работъ: дѣло въ томъ, что вмѣстѣ съ повышеніемъ успѣховъ по русскому языку въ округѣ естественно повышаются и требованія какъ экзаменныхъ испытательныхъ комиссій, такъ и требованія окружнаго управленія, выражающіяся въ отчетахъ лицъ, разсматривающихъ всѣ работы по округу: тѣ работы, которыя прежде по необходимости приходилось признавать болѣе или менѣе удовлетворительными, въ настоящее время признаются совершенно неудовлетворительными. Во всякомъ случаѣ

между работами 1897 года уже нѣтъ совершенно безграмотныхъ, а также и совершенно бессмысленныхъ, каковыхъ было много въ предыдущіе годы; поэтому изъ всѣхъ работъ абитуриентовъ гимназій только три оцѣнены балломъ 1, но и эти работы въ прежніе годы были бы оцѣнены, по крайней мѣрѣ, балломъ 2, если не 3. Въ отчетномъ году работъ, которыя можно признать удовлетворительными, 100 или 58 0/0, неудовлетворительныхъ 72 работы или 42 0/0. Этотъ процентъ удовлетворительныхъ работъ немного выше процента за предыдущіе года, но за то работы, признанныя удовлетворительными, гораздо лучше прежнихъ, признававшихся тоже удовлетворительными, и между ними есть значительное число и хорошихъ работъ. Средній баллъ за всѣ работы 2,70. Изъ этого средняго балла видно, что успѣхи учениковъ въ русскихъ сочиненіяхъ, не смотря на большой шагъ ихъ впередъ, все еще далеко нельзя признать въ общемъ удовлетворительными.

Содержаніе сочиненій.

Какъ и въ предыдущіе годы, за которые я разсматривалъ работы абитуриентовъ по русскому языку, главный недостатокъ большинства изъ нихъ есть бѣдность содержанія, въ которой отражается недостаточно основательное знакомство учениковъ съ предметомъ сочиненія и отсутствіе привычки самостоятельно вникнуть въ дѣло, составить себѣ опредѣленное понятіе о предметѣ и логически развить это понятіе, какъ цѣлое, естественно разлагающееся на свои части.

Заданная ученикамъ въ 1897 году тема: „Образовательное значеніе поэзіи“ требовала отъ абитуриентовъ болѣе или менѣе основательнаго и яснаго представленія содержанія важнѣйшихъ поэтическихъ произведеній, требовала разумнѣя цѣнности этого содержанія, какъ по

отношенію его къ нравственному идеалу, такъ и по отношенію къ тому обществу, для котораго писались эти произведенія и на которое хотѣль дѣйствовать нравственно поэтъ. Чтобы абитуриенты могли ясно понять въ тѣсномъ смыслѣ „образовательное“ значеніе поэзіи, надобно, чтобы они сколько нибудь представляли себѣ исторію просвѣтительныхъ идей общественныхъ, отразившуюся въ поэтическихъ произведеніяхъ, чтобы они представляли, насколько сами поэты содѣйствовали развитію этихъ идей, насколько они сами были создателями этихъ идей и насколько они были только проводниками идей, господствовавшихъ въ ихъ время; надобно было знать, какими трудами и какими обстоятельствами своей жизни поэты доходили до этихъ идей, — однимъ словомъ, требовалось для заданной темы основательное и всестороннее изученіе хотя немногихъ поэтическихъ произведеній. Но, какъ видно изъ сочиненій абитуриентовъ, у большинства изъ нихъ ничего этого не оказалось: это большинство ограничилось только повтореніемъ худо понятыхъ фразъ изъ выученной ими теоріи словесности, относящихся какъ-нибудь къ темѣ, а часто и вовсе къ ней не относящихся. Не видно, чтобы они привыкли сколько нибудь мыслить о предметахъ, относящихся къ содержанію литературныхъ произведеній, но видна дурная и крайне вредная для истиннаго образованія привычка рѣшать всякіе вопросы пустыми, шаблонными фразами и вполнѣ успокоивать на нихъ свою мысль.

Большая часть абитуриентовъ писали вообще „о значеніи поэзіи“, вовсе не обративъ вниманія на слово: „образовательное“, какъ будто этого слова не существуетъ въ темѣ; многіе не различали даже поэзіи отъ прозы и говорили вообще о значеніи литературы, и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ абитуриенты не обра-

тили даже вниманія на слово: „значеніе“ и писали все, что знали изъ теоріи словесности о поэзіи: объ отношеніи поэзіи къ другимъ искусствамъ, объ отличіи поэзіи отъ прозы и т. д. Въ большей части гимназій не представляли никакой разницы между образовательнымъ и воспитательнымъ вліяніемъ поэзіи. Въ немногихъ гимназіяхъ, именно представившихъ лучшія работы, ученики старались отдѣлать образовательное въ тѣсномъ смыслѣ значеніе поэзіи отъ воспитательнаго и говорить, согласно темѣ, только о значеніи поэзіи образовательномъ, но не могли сдѣлать этого, какъ слѣдуетъ, и, высказывая намѣреніе говорить только о значеніи поэзіи образовательномъ, говорили все, что могли, и о значеніи ея воспитательномъ, не оговаривая, почему они такъ дѣлаютъ. Правда, что понятія: образование и воспитаніе находятся въ тѣсной между собою связи: истинное образование воспитываетъ человѣка, т. е. дѣлаетъ его лучшимъ въ жизни, въ поступкахъ; оно не есть только обогащеніе ума познаніями и расширеніе умственнаго кругозора человѣка, не есть только развитіе способности понимать сущность, смыслъ и значеніе окружающихъ насъ явленій, но оно должно будить въ насъ стремленіе къ чистой истинѣ, къ правдѣ, къ возвышенному и прекрасному и стремленіе воплощать истину и правду въ собственной жизни, въ собственныхъ поступкахъ и отношеніяхъ; если этого не даетъ образование, то оно не есть истинное, потому что оно въ такомъ случаѣ останавливается только на первой своей ступени, на развитіи понятій человѣка, не проводя истинныхъ понятій въ его жизнь, т. е. улучшая понятія человѣка, не дѣлаетъ его лучшимъ въ жизни, въ его влеченіяхъ и дѣйствіяхъ, а это уничтожаетъ почти всякое значеніе образованія ибо цѣль его дѣлать человѣка лучшимъ не по взглядамъ только, но и по дѣйствіямъ, по жизни, т. е. главнай

цѣль истиннаго образованія приводится къ воспитанію человѣка. Тѣмъ не менѣе не даромъ существуютъ два термина: „образованіе“ и „воспитаніе“. Образованіе стремится усовершенствовать человѣка, главнымъ образомъ, посредствомъ уясненія его понятій; воспитаніе же, главнымъ образомъ, дѣйствуетъ непосредственно на чувства и волю человѣка. Поэтому можно быть образованнымъ (хотя и не истинно), т. е. хорошо понимать, и въ то же время быть дурнымъ въ жизни, худо поступать, т. е. быть не воспитаннымъ, и, наоборотъ, человѣкъ можетъ быть съ самыми хорошими наклонностями, привычками и при маломъ образованіи, даже почти безъ всякаго образованія, именно при хорошемъ воспитаніи, которое дается преимущественно хорошими примѣрами, окружающими человѣка въ жизни, и непрестаннымъ руководствомъ человѣка, чтобы онъ поступалъ извѣстнымъ образомъ, что потомъ и обращается въ привычку его, въ нравственный его обликъ. Поэтому часто говорятъ, что человѣкъ воспитанный, хотя и мало образованный, лучше человѣка, получившаго большое образованіе, но невоспитаннаго. Даже относительно собственнаго *ума* человѣка, различается въ строгомъ смыслѣ образованіе его и воспитаніе. Подъ образованіемъ разумѣется расширеніе его кругозора при помощи научныхъ данныхъ и развитіе его способности къ составленію понятій, сужденій и умозаключеній; подъ воспитаніемъ же ума разумѣется выработка въ немъ убѣжденій, твердаго міросозерцанія, принциповъ, т. е. того, что стоитъ въ тѣсной связи съ чувствомъ и волей человѣка. Это воспитаніе ума прекрасно выражается стариннымъ словомъ „умонаклоненіе къ добру“. Отъ этого „умонаклоненія“ къ добру во многомъ зависитъ вся нравственная сторона жизни человѣка. Вообще воспитательное въ образованіи есть то, что изъ сферы отвлеченнаго знанія, отвлеченныхъ поня-

тій переходить въ наши привычки, характеръ, что входитъ, такъ сказать, въ нашу плоть и кровь, и образуетъ нашу нравственную личность; и при широкомъ образованіи можетъ и не быть опредѣленной нравственной личности.

Ученикамъ гимназій, оканчивающимъ курсъ, слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, понимать это различіе между образованіемъ и воспитаніемъ и не смѣшивать этихъ терминовъ, хотя, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ преподавателей, я не считаю неправильнымъ, когда абитуриенты, на данную тему объ образовательномъ вліяніи поэзіи, говорили и о воспитательномъ ея вліяніи, вслѣдствіе, какъ я сказалъ, тѣсной связи истиннаго образованія съ воспитаніемъ, только бы они не смѣшивали совершенно этихъ понятій, вслѣдствіе какого смѣшенія, они, сами не замѣчая этого, часто говорятъ только о воспитательномъ вліяніи поэзіи, ничего не говоря объ образовательномъ, и даже во всемъ сочиненіи не упоминаютъ и термина „образовательное“ вліяніе.

Въ большинствѣ сочиненій абитуриентовъ обнаруживается далѣе незнакомство съ самыми обыкновенными психологическими терминами, знакомство съ которыми необходимо почти для всякаго сочиненія, имѣющаго предметомъ какія либо нравственныя сентенціи. Такъ, очень многіе абитуриенты пишутъ о вліяніи поэзіи 1) на умъ, 2) на душу, или 1) на чувства, 2) на нравственность и т. п. Есть даже такія сочиненія, въ которыхъ эстетическое смѣшивается съ этическимъ. Что эти понятія не выяснены ученикамъ, является довольно страннымъ.

Наконецъ, позволю себѣ замѣтить относительно нравственнаго направленія абитуриентовъ, какъ оно отражается въ ихъ сочиненіяхъ. Если съ учениками разбираются поэтическія произведенія преимущественно такъ называемаго *отрицательнаго направленія*, т. е. въ кото-

рыхъ выводятся типы отрицательные, это не может не дѣйствовать дурно на юношество, подобно тому, какъ окружающіе его постоянно дурные примѣры дурно дѣйствовали бы на него; надобно всегда помнить, что ученикамъ идеаль еще не вполне ясенъ, чтобы они могли какъ слѣдуетъ относиться къ искаженіямъ идеала, и прежде всего и болѣе всего надобно заботиться надъ выясненіемъ идеала на соответствующихъ поэтическихъ произведеніяхъ, т. е. на произведеніяхъ съ положительными типами. Между тѣмъ у абитуриентовъ болѣе замѣчается склонность останавливаться на типахъ отрицательнаго характера. Еще хуже то, что, по поводу этихъ типовъ, абитуриенты берутся обсуждать общественную жизнь, осуждать цѣлое общество известной эпохи и даже цѣлый народъ: тутъ чувствуется какая то дикая фальшь, что гимназистъ является въ роли судьи надъ цѣлымъ обществомъ, выражаетъ негодованіе на него, даже, какъ будто, скорбитъ. Это источникъ фразерства и даже нравственной распущенности. Не мѣшаетъ имѣть въ виду преподавателямъ, что изъ учащагося юношества имъ надо приготовить прежде всего не обличителей, каковыми могутъ быть и совершенно пустые люди, каковыми и бываютъ почти всегда дурные люди, а надобно приготовить людей, чувствующихъ идеаль, чувствующихъ, какъ они сами далеки отъ идеала, и стремящихся къ возможному его достиженію. Слѣдуетъ помнить, что осуждать легко, а творить, т. е. осуществлять идеаль, трудно, и крайнее развитіе въ юношахъ способности осуждать — это положительно язва воспитанія, потому что, при развитіи этой способности, юноша погружается въ глупое и безнравственное довольство самимъ собою, или же проникается убѣжденіемъ, что онъ, съ своими дурными склонностями, есть такая же жертва общественнаго строя, какъ и тѣ личности и типы, которые онъ осуждаетъ въ

поэтическихъ произведеніяхъ; слѣдовательно онъ тоже не виноватъ. При разборѣ съ учениками произведеній и типовъ отрицательнаго характера, не слѣдуетъ придавать отрицательнымъ сторонамъ характерныхъ чертъ *всего* общества въ извѣстную эпоху, что и не справедливо; надо освободить разборъ поэтическихъ произведеній отъ всякихъ общественныхъ, гражданскихъ мотивовъ, которые обыкновенно являются неизсякаемымъ источникомъ всякаго пустословія. Особенно же поношеніе русскаго общества и выраженіе негодованія и скорби о немъ, на основаніи литературныхъ произведеній, является неумѣстнымъ и неприличнымъ въ устахъ учениковъ—инородцевъ. Мы, русскіе, знаемъ свою наклонность къ самобичеванію и знаемъ, какъ надо относиться къ этому; инородцы этой наклонности за собой не знаютъ и большею частію тщательно прикрываютъ свои недостатки и поэтому тѣмъ охотнѣе поддаются увлеченію бичевать другихъ.

Вообще надобно имѣть въ виду, что веденіе сочиненій есть одно изъ могущественнѣйшихъ орудій къ установленію правильнаго нравственнаго міросозерцанія учениковъ: на сочиненіяхъ ученическихъ преподаватель болѣе всего можетъ знакомиться съ нравственными взглядами учениковъ и направлять эти взгляды; поэтому онъ не долженъ пропускать безъ вниманія такихъ дикихъ взглядовъ, какіе, напр., высказываются въ сочиненіи одного абитуриента и оставлены безъ всякихъ соотвѣтствующихъ замѣчаній: „Если Раскольниковъ совершаетъ преступленіе (убійство старухи закладчицы), то это онъ дѣлаетъ не подъ вліяніемъ низкихъ инстинктовъ, а подъ вліяніемъ тѣхъ условій, въ какія онъ поставленъ окружающей средой“. Въдь такимъ образомъ можно оправдывать всякое преступленіе; это есть непризнаваніе свободной нравственной воли человѣка и уничтоженіе нрав-

ственности. Самъ Раскольниковъ не такъ понимаетъ свое преступленіе: увлеченный первоначально софизмами о неправильномъ общественномъ устройствѣ, какъ будто оправдывающемъ его преступленіе, онъ затѣмъ приходитъ къ сознанию преступности своей воли, приходитъ къ сознанию необходимости своего нравственнаго возрожденія и необходимости нравственнаго страданія, т. е. наказанія за преступленіе, и, въ концѣ концовъ, при помощи чтенія Евангелія, дѣйствительно возрождается нравственно. Въ своей педагогической практикѣ я не разъ замѣчалъ, что ученики въ этомъ превосходномъ романѣ Достоевскаго плохо понимаютъ вторую его часть, въ которой и заключается глубокий нравственный его смыслъ; эта вторая часть есть отрицаніе всей той нравственной фальши, которая изображена въ первой части въ лицѣ Раскольникова. Ученики не понимаютъ того, что софизмы, которыми Раскольниковъ оправдываетъ свое преступленіе, — это не мнѣніе Достоевскаго; приводитъ же эти софизмы Достоевскій только потому, что они дѣйствительно существуютъ; разоблаченіе же и отверженіе этихъ негодныхъ софизмовъ заключается во второй части романа. Или въ той же гимназіи абитуриентъ, въ доказательство „гражданнаго значенія поэзіи“, приводитъ такой примѣръ: „Французскій поэтъ Бомарше оказалъ огромное вліяніе на ускореніе французской революціи. Такимъ образомъ“, продолжаетъ абитуриентъ, „мы видимъ, что многіе поэты выполняютъ свое назначеніе, которое указалъ въ одномъ изъ стихотвореній Пушкинъ, говоря: „Возстань, пророкъ“ и т. д. По поводу этой тирады, преподаватель замѣтилъ только, что это не имѣетъ отношенія къ темѣ.

Планы сочиненій.

Очень важно и полезно, чтобы ученики привыкали писать сочиненія по опредѣленному, заранее выработан-

ному плану; но если у учениковъ для всякаго рода темъ планъ одинъ и тотъ же, если планъ сочиненія не зависитъ отъ матеріала сочиненія, а, напротивъ, матеріаль подготовляется къ готовому плану, то это само по себѣ уже есть источникъ пустословія и отучаетъ учениковъ отъ всякаго самостоятельнаго мышленія, отъ всякаго вниманія и углубленія въ сущность темы, лишаетъ сочиненія всякой оригинальности и дѣлаетъ ихъ крайне безцвѣтными и скучными. При этомъ условіи, какую тему ни назначъ ученикамъ, о значеніи чего-нибудь, вліяніи, они непремѣнно дѣлать: вліяніе 1) на умъ, 2) на сердце и 3) на волю, или: 1) образовательное значеніе, 2) нравственное, 3) эстетическое. Само по себѣ это дѣленіе, конечно, не дурно, но если оно обращается въ шаблонъ, если оно не вытекаетъ изъ убѣжденія ученика, что въ данномъ случаѣ это дѣленіе наиболѣе соотвѣтствуетъ тому матеріалу, который имѣется у него, и что именно этотъ планъ ему наиболѣе по силамъ, то планъ этотъ только связываетъ ученика, останавливаетъ его мысль, не даетъ самостоятельно внимнуть въ тему и рождаетъ пустословныя сочиненія. Какъ ни простъ кажется этотъ планъ сочиненія, на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не такъ легокъ для учениковъ, какъ кажется. Чтобы говорить сколько нибудь основательно о вліяніи на умъ, сердце и волю, надобно имѣть сколько нибудь основательныя психологическія свѣдѣнія; между тѣмъ ученикамъ гимназій психологія вовсе не преподается, если не считать сообщенія кое-какихъ психологическихъ данныхъ въ началѣ краткаго курса логики. Такимъ образомъ, основаніемъ плана и, слѣдовательно, основаніемъ и самаго сочиненія, служить для учениковъ то, что ими слишкомъ худо и смутно понимается. Отъ этого ученики, говоря, напр., о вліяніи чего нибудь на умъ, повторяютъ вѣчно одну и ту же фразу: „содѣйствуетъ умственному развитію“, или „обогащаетъ

умъ познаніями“, но *какимъ образомъ* это содѣйствуетъ умственному развитію, и въ чемъ именно заключается то умственное развитіе, которое мы получаемъ отъ предмета, указываемаго въ темѣ, объ этомъ, конечно, и помину нѣтъ; точно также, почему именно тѣ свѣдѣнія, которыя мы получаемъ изъ источника, указываемаго въ темѣ, составляютъ дѣйствительно богатство ума, и въ чемъ именно заключается богатство ума, ученики тоже не разумѣютъ. Относительно вліянія на сердце, ученики всегда говорятъ „облагораживаетъ сердце“ или „смягчаетъ нравы“, но *какимъ образомъ* это достигается при помощи данныхъ, указываемыхъ въ темѣ, и въ чемъ именно заключается благородство сердца и смягченіе нравовъ, къ которымъ приводитъ будто бы положеніе, указываемое въ темѣ, тоже нѣтъ помину. Относительно вліянія на волю, ученики всегда указываютъ: „содѣйствуетъ нравственному исправленію или усовершенствованію“, но *какимъ образомъ* это достигается, въ чемъ заключается нравственное усовершенствованіе и чѣмъ оно отличается отъ предыдущаго „облагороженія сердца и смягченія нравовъ“, тоже не видно изъ сочиненій. Эти голословныя положенія у лучшихъ учениковъ подтверждаются какиминибудь случайными, выхваченными наудачу, примѣрами, которые, само собою разумѣется, ничего не доказываютъ, но, по крайней мѣрѣ, скольконибудь поясняютъ голословныя положенія. И примѣры эти выставляются всегда самые шаблонные, самые избитые; встрѣтить въ сочиненіяхъ учениковъ примѣръ, указывающій, что онъ самостоятельно мыслилъ, что въ немъ этотъ примѣръ явился вмѣстѣ съ самой мыслью, а не пригнанъ имъ насильственно къ мысли—большая рѣдкость. И вотъ все сочиненіе обыкновенно и заключается въ этомъ; указанные фразы повторяются, разбавляются водой—и сочиненіе доводится до приличнаго объема. Если тема сочи-

ненія не о пользѣ, а о вредѣ чего нибудь, берется тотъ же планъ: только тутъ уже будутъ другого рода фразы: „вредить умственному развитію“, или „притупляетъ умственные способности“; „развиваетъ грубость чувствъ“, „развиваетъ порочныя страсти“. Къ этому также присоединяются шаблонные примѣры. Если сравнить самое сочиненіе съ планомъ, то почти всегда окажется, что сочиненіе есть только разбавленный пустословіемъ планъ: ни одной мысли, ни одного даже примѣра вы не встрѣтите въ сочиненіи, которыхъ не было бы въ планѣ, если только планъ мало-мальски подробный, т. е. если указанные нами фразы вошли уже въ планъ, что не рѣдко бываетъ; тогда ученикъ только видоизмѣняетъ нѣсколько эти фразы и расширяетъ ихъ по мѣрѣ силъ, т. е. по мѣрѣ изошренія своего въ пустословіи. Для уничтоженія этой губительной язвы пустословія, необходимо надобно, чтобы курсы предметовъ, проходимыхъ въ гимназіи, болѣе вводились въ сознаніе учениковъ, чтобы ихъ познанія изъ каждаго предмета не оставались только сырымъ матеріаломъ, нужнымъ только для отвѣта на экзаменѣ или на урокѣ учителя, а чтобы предметы преподаванія входили стройной системой въ умственное, нравственное и эстетическое міросозерцаніе ученика; только тогда наука и бываетъ истинно образовательна. Если нельзя пройти весь полагаемый курсъ такимъ образомъ, то, по крайней мѣрѣ, какія либо части его должны быть пройдены такъ, чтобы онѣ, дѣйствительно, имѣли вліяніе на развитіе въ ученикахъ любви, интереса къ изучаемому предмету, а интересъ къ предмету можетъ быть только тогда, когда ученикъ чувствуетъ, что тѣ данныя, которыя сообщаетъ ему наука, дѣйствительно, содѣйствуютъ просвѣщенію его сознанія по отношенію къ окружающему его міру и къ самому себѣ, когда онъ чувствуетъ, что то, что было для него до сихъ поръ темно, непонятно, дѣлается какъ

бы осязаемой истиной, когда онъ чувствуетъ, что способъ, по которому изъ фактовъ добываются общіе выводы или по которому изъ общихъ положеній переходятъ къ отдѣльнымъ фактамъ, изошряетъ его умъ. Надо развить въ ученикахъ любовь къ истинѣ, правдѣ и любовь къ исканію ихъ, любовь къ напряженію душевныхъ силъ для отысканія ихъ, — тогда само по себѣ исчезнетъ пустословіе и въ сочиненіяхъ. Такіе уроки будутъ полезны и для самихъ преподавателей — и сами преподаватели не будутъ терпѣть пустословія: уча — учимся.

Относительно плановъ ученическихъ сочиненій, а отчасти и самыхъ темъ, считаю долгомъ обратить особенное вниманіе на мнѣніе, откровенно высказанное однимъ преподавателемъ Рижской гимназіи. Въ рецензии на одну работу онъ пишетъ между прочимъ: „къ сожалѣнію, ученики *такъ пріучены (!) къ отвлеченнымъ темамъ*, такъ давить ихъ необходимость составленія плана по дедуктивному методу (*планъ вѣдь долженъ быть разработанъ во всѣхъ подробностяхъ, прежде чѣмъ собранъ самый матеріалъ для работы*)“ ..... Эти слова значительно объясняютъ, откуда происходитъ пустословіе въ сочиненіяхъ абитуриентовъ: дѣйствительно, если составлять планъ сочиненія, не имѣя въ виду болѣе или менѣе точно и опредѣленно выработаннаго матеріала для сочиненія, т. е. содержанія, то такой планъ, кромѣ жестокаго вреда въ дѣлѣ обученія учениковъ сочиненіямъ ничего не принесетъ, т. е. это значитъ прямо — обучать учениковъ пустословію, — это зло много хуже, чѣмъ малограмотность, плохой стиль и проч., потому что развращаетъ умъ ученика.

При такомъ взглядѣ на планъ сочиненія, дѣйствительно, нельзя не „пожалѣть“, вмѣстѣ съ означеннымъ преподавателемъ, что ученики „пріучены къ отвлеченнымъ темамъ“; это значитъ, что они на всякую тему пишутъ все одно и то же, по заранѣе „разработанному во всѣхъ

подробностяхъ плану, прежде чѣмъ разработанъ самый матеріалъ для работы“. Нельзя не поблагодарить означеннаго преподавателя за то, что онъ откровенно высказалъ, въ чемъ лежитъ, по всей вѣроятности, корень пустословія ученическихъ сочиненій и во многихъ другихъ гимназіяхъ.

Опровергать такой взглядъ на темы отвлеченнаго содержанія (т. е. не историческаго, не литературнаго) и на такой способъ составленія плановъ сочиненій едва ли слѣдуетъ: объ этомъ можно найти въ каждомъ методическомъ руководствѣ къ веденію сочиненій. Скажу только вкратцѣ: такъ какъ по дѣйствующимъ правиламъ „испытаніе зрѣлости не есть испытаніе въ памяти, а въ томъ, развита ли въ молодомъ человѣкѣ способность соответствующаго его возрасту мышленія, имѣетъ ли онъ ясный, вѣрно дѣйствующій умъ, правильное и здоровое сужденіе“, то для такого испытанія болѣе всего подходятъ именно отвлеченныя темы, если только ученики на такихъ темахъ приучились не къ пустословію, а къ самостоятельной болѣе или менѣе выработкѣ содержанія сочиненія, къ строгой логичности мысли и послѣдовательности изложенія, къ умѣнью пользоваться тѣмъ матеріаломъ, который ученики имѣютъ изъ наукъ, преподаваемыхъ имъ, и изъ собственнаго чтенія, для развитія высказываемыхъ въ сочиненіи мыслей. Этимъ не отрицается значенія темъ историческихъ и литературныхъ, но указывается только, что задаваніе, такъ называемыхъ, отвлеченныхъ темъ, при правильной обработкѣ ихъ въ ученическихъ сочиненіяхъ, никакъ не есть приученіе къ пустословію, а въ сущности онѣ самыя серьезныя темы для ученическихъ сочиненій и наиболѣе могущія указать степень умственной зрѣлости учениковъ. Темы, тѣсно примыкающія къ проходимому курсу литературы, представляютъ ученикамъ слишкомъ подручный матеріалъ въ из-

ложеніяхъ содержанія литературныхъ произведеній, характеристикахъ этихъ произведеній и указаніяхъ особенностей ихъ языка, помѣщенныхъ въ ловко приспособленныхъ для этихъ цѣлей учебникахъ по русской литературѣ. Стоитъ только зазубрить хорошенько эти учебники—и выйдетъ сочиненіе, по которому никакъ нельзя будетъ разобрать, можетъ ли ученикъ чтонибудь самостоятельно написать, какънибудь расположить свои мысли и какънибудь самостоятельно ихъ выразить. А какъ ученики могутъ отзубрить учебники, видно на работѣ одного абитуриента Аренбургской гимназіи, который даже по поводу этой темы ухитрился, совершенно некстати, почти цѣлую половину своего сочиненія наполнить приведеніемъ слово въ слово мѣста изъ учебника русской литературы Орлова.

Неправильный взглядъ на планы сочиненій виденъ, между прочимъ, въ томъ, что нѣкоторые преподаватели полагаютъ, что возможно, чтобы у всѣхъ учениковъ былъ одинъ планъ, и всякое отступленіе отъ того шаблона, который себѣ представляютъ означенные преподаватели, они считаютъ неправильнымъ. Во многихъ гимназіяхъ въ планахъ сочиненія есть часть 1 и нѣтъ части 2, есть часть а и нѣтъ б и преподаватели оставляютъ это безъ замѣчаній. Понятно, что если чтонибудь дѣлится на части, то этихъ частей не можетъ быть менѣе двухъ.

Языкъ сочиненій.

Мы уже сказали, что по языку сочиненія въ отчетномъ году гораздо выше сочиненій за предыдущіе годы: видно, что ученики довольно уже свободно владѣютъ русской рѣчью и не подгоняютъ мысли къ знакомымъ словамъ и оборотамъ рѣчи. Но германизмы въ языкѣ, а также полонизмы встрѣчаются все таки часто. Особенно часты ошибки въ употребленіи видовъ глагола; затѣмъ

слѣдуютъ ошибки въ управленіи словъ, напр., очень часто послѣ глаголовъ дѣйствительныхъ съ отрицаніемъ *не* ученики ставятъ винительный падежъ, послѣ глагола „достигнуть“ всегда почти тоже винительный падежъ и пр. Лексическая сторона сочиненій стала гораздо богаче, чѣмъ въ сочиненіяхъ за предыдущіе годы.

Въ собственномъ смыслѣ стили въ большей части сочиненій вовсе нѣтъ: ученики обыкновенно набираютъ слова, чтобы только какъ нибудь выразить свою мысль. Но въ работахъ нѣкоторыхъ гимназій замѣтенъ уже и стиль. Это подаетъ надежду, что при надлежащемъ руководствѣ и при достаточномъ чтеніи учениками литературныхъ произведеній, во всѣхъ гимназіяхъ ученики скоро могутъ усвоить не только правильность русской рѣчи, но и сдѣлать рѣчь литературною.

О р е о г р а ф і я .

Ореографія въ общемъ исправна; этимологическихъ ошибокъ въ большей части гимназій очень мало, ошибокъ въ собственномъ смыслѣ ореографическихъ, т. е. въ переносѣ словъ, употребленіи прописныхъ буквъ и пр., тоже немного; больше ошибокъ въ знакахъ препинанія.

Относительно переноса словъ, у нѣкоторыхъ преподавателей замѣчается колебаніе: правильно перенесенныя слова они поправляютъ; наприм.; ученикъ переноситъ: произведе-ніе, дѣя-тельность, поэ-зія, прео-долѣвать, преподаватель поправляетъ: произведе-ніе, дѣятель-ность, по-эзія, пре-одолѣвать (корень *дол.*, приставки: пре-о-); между тѣмъ никогда не поправляютъ такой переносъ слова: изо-бражать (корень *раз.*, откуда разить, приставки: *из* и *об.*).

Разсмотрѣніе сочиненій.

Рецензіи преподавателей большею частію страдаютъ многословіемъ: если ученикъ напишетъ явный вздоръ,

преподаватель на поляхъ пишетъ свои соображенія и предположенія, что хотѣлъ сказать ученикъ и почему онъ не сказалъ того, что долженъ былъ сказать. Большею частію слѣдовало бы только одно слово замѣнить другимъ, чтобы вышелъ надлежащій смыслъ, или поставить въ скобкахъ одно-два слова. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рецензій замѣтно желаніе какъ будто пристыдить, образумить ученика, который этихъ рецензій не читаетъ; иногда, какъ будто, вступаетъ въ споръ съ ученикомъ. Если пропущена въ работѣ запятая, то преподаватель не ограничится подчеркиваніемъ и постановкой запятой на полѣ, а напишетъ на полѣ: „пропущена запятая“ или если поставлена запятая, преподаватель пишетъ: „по моему мнѣнію, здѣсь лучше поставить точку съ запятой“, а другой пишетъ: „а по моему мнѣнію, еще лучше двоеточіе“. Вслѣдствіе многословія, замѣтки рецензентовъ иногда не помѣщаются на поляхъ противъ тѣхъ мѣстъ, на которыя онѣ пишутся, а подъ соотвѣтствующими цифрами помѣщаются даже на слѣдующихъ страницахъ и переходятъ на отдѣльные листы, что крайне затрудняетъ чтеніе сочиненій вмѣстѣ съ рецензіями. Вообще рецензіи въ большей части гимназій не оставляютъ, можно сказать, живого мѣста въ сочиненіяхъ; гдѣ и правильно сказано, преподаватель все таки поправитъ, иногда съ замѣчаніемъ: „лучше такъ бы сказать, или еще лучше вотъ какъ“, хотя это не всегда бываетъ и лучше; поля сочиненій исписаны рецензентами вдоль и поперекъ и вкось, такъ что въ общемъ рецензіи большею частію значительно бываютъ обширнѣе самаго сочиненія ученика.

Мнѣ кажется, что исправленія экзаменныхъ работъ преподавателемъ должны показать образецъ того, какъ обыкновенно преподаватель исправляетъ и оцѣниваетъ работы. Умѣнье исправить работу дѣло очень важное: тутъ одинаково дурно, какъ недостатокъ надлежащихъ

Тартуск. ун-в. Tart.

замѣчаній, такъ и излишекъ въ замѣчаніяхъ; послѣдній, пожалуй, даже хуже, чѣмъ первый: ученикъ вовсе не станетъ читать крайне избыточныхъ замѣтокъ; и, въ самомъ дѣлѣ, если бы прочитать внимательно все, что написано по поводу одной только работы въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, надо употребить цѣлый вечеръ: у учениковъ на это не хватитъ ни времени, ни терпѣнія, да и пользы мало было бы, потому что въ рецензіяхъ такъ не отличается важное отъ не важнаго, дѣйствительное отъ сомнительнаго, что никакого яркаго впечатлѣнія отъ чтенія этихъ рецензій не осталось бы. Очевидно, что и у преподавателя не хватитъ ни времени, ни терпѣнія писать такія рецензій на обыкновенныхъ годовыхъ работахъ; какой же смыслъ имѣеть такое писаніе на экзаменныхъ работахъ, котораго ученики не читаютъ и котораго невозможно перечитать даже лицу, которому поручаетъ округъ разсмотрѣніе работъ? Поэтому и при разсмотрѣніи работъ на испытаніи зрѣлости преподаватель долженъ показать умѣнье кратко, безъ излишняго маранія работы, но ясно указать, въ чемъ недостатки работы и какъ надобно? Въ заключительной рецензій преподаватель долженъ тоже кратко и ясно указать достоинства и недостатки работы безъ излишнихъ словъ. Распространеніе можетъ быть только въ томъ случаѣ, если рецензенты несогласны между собою: тогда, конечно, особенное мнѣніе должно быть достаточно обосновано.

Не смотря на многословіе рецензій, въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ пропущено безъ замѣчаній и исправленій много бессмыслицъ и неправильныхъ выраженій.

Въ правилахъ объ испытаніи зрѣлости сказано, что письменныя работы „исправляются“ на поляхъ преподавателемъ. Этого и надобно держаться при рецензіяхъ, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда исправить нѣтъ воз-

возможности, указать определенно, в чем недостаток. Поэтому нахожу совершенно неуместными такие замечания на полях, какие делают рецензенты одной гимназии, напр.: „Стиль!“, „Разстановка слов!“, „Автор уже очень догматичен!“, „Вот так определение!“, „Нелюбовь!“, „Безсмыслица!“, „Horribile dictu!“, „Странное выражение!“, „Развѣ?!“, „Какой хитрый доводъ!“ и проч. Такого рода восклицания можно делать по поводу чего угодно, и на них, конечно, никто не обращает никакого внимания.

По категориям распределяются ошибки часто совершенно произвольно. Так, напр., ошибки в употреблении видов глагола, чисто синтаксические, относятся к этимологическим (представимъ вместо представляемъ), ошибки, указывающие на незнание образования словъ, относятся к лексическим (повѣствованіе, емѣ ст повѣствованіе).

Ошибки противъ языка и орфографіи исправляются вообще довольно тщательно. Нельзя того же сказать относительно ошибокъ противъ смысла; эти ошибки часто вовсе не отмѣчаются, или же причисляются, совершенно неправильно, к ошибкамъ стилистическимъ, синтаксическимъ, лексическимъ. Мы уже сказали, что главный недостатокъ большинства сочиненій заключается в томъ, что абитуриентъ, не уяснивъ себѣ хорошенько, о чемъ онъ намѣренъ писать, набираетъ фразы, лишеныя определеннаго содержанія, а часто и всякаго смысла; при этомъ одна фраза съ другой не имѣетъ никакой логической связи. Очевидно, что этого нельзя подвести къ какимъ нибудь категориямъ ошибокъ противъ языка, и преподаватели большею частію мало, а иногда и вовсе не обращаютъ вниманія на этого рода погрѣшности. Между тѣмъ недостатки этого рода самые важные: они ука-

зываютъ на бѣдность умственнаго развитія. Только въ одной гимназіи (Рижской Александровской) тщательно отмѣчены недостатки этого рода и отнесены въ особую группу-ошибокъ логическихъ. Часто также встрѣчаются въ сочиненіяхъ ошибки фактическія, какъ, напр., приписывается сочиненіе не тому автору, которому оно дѣйствительно принадлежитъ, отнесено не къ тому времени, когда оно дѣйствительно появилось и т. п. Въ той же гимназіи, Рижской Александровской, тщательно подсчитаны и фактическія ошибки. Недостаточное обращеніе вниманія со стороны рецензентовъ на ошибки противъ смысла и фактическія указываетъ, что они недостаточно обращаютъ вниманія на содержаніе сочиненій, между тѣмъ какъ и языкъ сочиненій можетъ выработываться и совершенствоваться только въ тѣсной связи съ ихъ содержаніемъ.

Въ избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, мы считаемъ долгомъ высказать кратко, чего должно требовать отъ сочиненій абитуриентовъ.

Требуя содержательности сочиненія, мы никакъ не требуемъ отъ учениковъ чего-нибудь непосильнаго, недоступнаго имъ. Принимая во вниманіе, что темы для сочиненій на испытаніи зрѣлости всегда назначаются сильныя ученикамъ, не выходящія изъ круга тѣхъ свѣдѣній, которыми они обладаютъ, ученики прежде всего должны понять смыслъ темы и не останавливаться на какомъ-нибудь одномъ словѣ въ данной темѣ, а разобрать каждое въ ней слово и понять ее въ совокупности всѣхъ словъ. Въ большей части гимназій ученики къ этому не приучены и обыкновенно останавливаются на какомъ-нибудь одномъ или двухъ словахъ темы, не обращая вниманія на остальные; отъ этого, большею частію, пишутъ не на тему, блуждая около нея и не вникая въ ея существенный смыслъ. Далѣе, ученики должны

развить существенный смыслъ темы на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя они имѣютъ изъ преподаваемыхъ имъ наукъ, и тѣхъ наблюдений, которыя доступны имъ по ихъ возрасту и положенію. Матеріала для развитія задаваемыхъ имъ темъ у нихъ совершенно достаточно, но они не умѣютъ пользоваться имъ, не приучены пользоваться; отсюда и происходитъ скудость содержанія; отсюда же происходитъ и то, что ученикъ, для развитія темы, иногда бросается въ сферы, вовсе ему недоступныя, обращается къ наукамъ, которыхъ онъ понимать не можетъ. Далѣе, ученикъ долженъ развить свои мысли по строго опредѣленному плану, указываемому тѣмъ матеріаломъ, который есть у него для развитія сочиненія; поэтому планъ сочиненія не долженъ быть шаблонный, а долженъ быть въ тѣсной зависимости отъ того матеріала, которымъ обладаетъ ученикъ, отъ разумѣнія имъ сущности темы и отъ того, какъ ему кажется удобнѣе расположить матеріаль, лишь бы только планъ былъ логиченъ и обнималъ тему въ главныхъ ея чертахъ. Между тѣмъ въ большей части сочиненій планы шаблонныя, ничего не выражающіе и не облегчающіе ученику сочиненія, а развѣ только связывающіе его мысль. Далѣе, какъ главныя мысли въ сочиненіи, такъ и второстепенныя, служащія въ развитіе главныхъ, должны идти послѣдовательно, чтобы одна мысль слѣдовала за другой, въ логической связи, чтобы сочиненіе не было наборомъ безсвязныхъ словъ и предложеній, при чемъ одна мысль не только не стоитъ въ связи съ другой, но даже иногда противорѣчитъ ей. Между тѣмъ въ этомъ пустомъ наборѣ словъ и фразъ, не связанныхъ между собой никакой мыслью, и заключается главный недостатокъ сочиненій абитуриентовъ. Затѣмъ уже мысли должны быть выражены ясно, правильнымъ и, по возможности, легкимъ языкомъ и орѳографія должна быть правильна.

Изъ этого видно, что мы далеки отъ тѣхъ требованій, которыя предъявляютъ къ абитуриентамъ нѣкоторые преподаватели, представившіе, надо замѣтить, наиболѣе плохія работы учениковъ. Одинъ преподаватель, напр., ищетъ въ сочиненіяхъ не только самостоятельности, но и *оригинальности мыслей*, тогда какъ хорошо было бы, если бы ученики правильно понимали преподаваемое имъ. Другой преподаватель хвалитъ ученика за то, что „въ его работѣ нѣтъ *избитыхъ книжныхъ выраженій и обычныхъ пріемовъ изложенія*.“ Значитъ, для ученика не годятся книжные и обычные пріемы изложенія: какіе же ему надобны? Подъ сочиненіемъ абитуриента, написавшаго 6 страницъ, преподаватель пишетъ: „принимая во вниманіе размашистый почеркъ, сочиненіе нельзя назвать достаточнымъ по объему.“ Чего же еще? По поводу сочиненія ученика о Петрѣ Великомъ (на запасную тему), тотъ же преподаватель пишетъ: „на двухъ страницахъ размашистымъ почеркомъ очерчена личность Петра по произведеніямъ Пушкина! Можетъ ли тутъ быть рѣчь о *полномъ художественномъ портретѣ*?“ Такого „полнаго художественнаго портрета“ мы не рѣшились бы потребовать не только отъ ученика, но даже отъ самого преподавателя.

Оцѣнка сочиненій.

Въ отчетномъ году оцѣнка сочиненій комиссіями, хотя и была во многихъ гимназіяхъ очень снисходительна, но не была ни въ одной гимназіи совершенно произвольна; поэтому въ отчетномъ году нѣтъ такихъ курьезовъ, чтобы общая по округу оцѣнка работъ такъ расходилась съ оцѣнками комиссій, что гимназіи, по оцѣнкѣ комиссій приходящіяся первыми по достоинству работъ, по общей оцѣнкѣ оказывались бы послѣдними. Напротивъ, порядокъ гимназій, по достоинству работъ,

оказывается въ отчетномъ году почти одинъ и тотъ же, какъ по оцѣнкамъ самихъ комиссій, такъ и по общей оцѣнкѣ. Изъ этого видно, что въ округѣ установился болѣе или менѣе правильный и опредѣленный взглядъ на то, чего должно требовать отъ сочиненій абитуриентовъ. Но въ гимназіяхъ, наиболѣе слабыхъ по сочиненіямъ абитуриентовъ, все еще проглядываетъ стремленіе цѣнить сочиненіе по прилежанію ученика, поведенію, внимательности въ классѣ и хорошему приготовленію уроковъ, а чаще всего сочиненіе признается удовлетворительнымъ по отсутствію въ немъ грамматическихъ ошибокъ. Но и здѣсь такой крайности, какая была прежде, нѣтъ. Непріятное впечатлѣніе производитъ, когда рецензенты, вмѣсто того, чтобы прямо и опредѣленно указать достоинства и недостатки работы, пишутъ какія-то защитительныя рѣчи къ каждому сочиненію, какъ будто намѣреваясь кого то убѣдить, что сочиненіе, лишенное смысла, имѣетъ смыслъ, что ошибки важныя — не важны и т. п., и нерѣдко послѣ громкихъ похвалъ сочиненію, самъ же преподаватель ставитъ 2, а обыкновенно 3, такъ что рецензія выходитъ совсѣмъ не соответствующею отмѣткѣ. Часто замѣтно въ рецензіяхъ стремленіе оправдать, защитить явный вздоръ или явную ошибку, напр., въ одной гимназіи ученикъ пишетъ: Гоголь „знакомитъ насъ съ помѣщичьемъ бытомъ, представленномъ“ и т. д.; преподаватель, поправляя въ скобкахъ представленнымъ, замѣчаетъ въ скобкахъ „описка,“ а помѣщичьемъ — „этимологическая ошибка.“

Какъ видно изъ прилагаемой при семъ таблицы, гимназіи, по достоинству работъ, идутъ въ такомъ порядкѣ:

	Средній баллъ.		% удовлетво- тельныхъ ра- ботъ	
	П О Ц Ъ Н К Ъ:			
	Ком.	Общей.	Ком.	Общей.
1. Рижская Александровская .	3,50	3,41	100	90
2. Ревельская Имп. Николая I	3,50	3,40	90	70
3. Рижская городская VIII-б.	3	2,82	90	82
4. Митавская	3,25	2,75	87	50
5. Ревельская Александровская	3,11	2,66	89	55,55
6. Рижская Имп. Николая I	3,08	2,66	91	66
7. Рижская городская VIII-а.	2,86	2,64	78	57
8. Юрьевская.	2,93	2,56	87	56
9. Перновская	2,86	2,55	86	55,17
10. Аренбургская	2,70	2,50	50	60
11. Либавская Николаевская .	2,74	2,25	64	25

Изъ этой таблицы видно, что порядокъ гимназій, по оцѣнкамъ самихъ комиссій, немного отличается отъ общаго; именно, по оцѣнкѣ самихъ комиссій, гимназій

шли бы въ такомъ порядкѣ: 1) Рижская Александровская, 2) Ревельская Императора Николая I (обѣ имѣють одинаковый средній балль), 3) Митавская, 4) Ревельская Александровская, 5) Рижская Императора Николая I, 6) Рижская городская VIII-б 7) Юрьевская, 8) Рижская городская VIII-а, 9) Перновская (обѣ гимназій имѣють одинаковый средній балль), 10) Либавская Николаевская, 11) Аренбургская. Номеръ гимназій, по оцѣнкамъ самихъ комиссій, отличается отъ общаго не болѣе, какъ на одну цифру, за исключеніемъ Рижской городской гимназій VIII-б, которая по оцѣнкѣ общей на три цифры выше, чѣмъ по оцѣнкѣ комиссій.

Изъ приведенной общей оцѣнки видно, что вполнѣ удовлетворительными, по русскимъ сочиненіямъ, можно назвать только Рижскую Александровскую и Ревельскую Императора Николая I, прочія гимназій не вполнѣ удовлетворительны; совершенно неудовлетворительна Либавская Николаевская гимназія, въ которой изъ 31 работы оказалось удовлетворительныхъ только 8, или около $\frac{3}{4}$ работъ неудовлетворительныхъ. Эта же гимназія одна изъ тѣхъ, въ которыхъ общая оцѣнка наиболѣе расходится съ оцѣнкой комиссій, такъ какъ по оцѣнкѣ самой комиссій неудовлетворительныхъ работъ только около $\frac{1}{3}$.

Порядокъ во время испытаній.

Въ одной изъ гимназій мною замѣчено отсутствіе должнаго порядка во время испытаній: 1) всѣ экзаменовавшіеся выходили изъ зала во время испытаній; 2) ни въ протоколѣ, ни на самыхъ работахъ черновыхъ не отмѣчено, когда ученики окончили черновыя работы, 3) за исключеніемъ одного ученика, всѣ подали работы значительно позднѣе предписаннаго срока. Въ большей части гимназій поправки, сдѣланныя самими учениками въ бѣловыхъ работахъ, не отмѣчаются на поляхъ. Въ

виду цѣли этихъ отбѣтокъ, а также и другихъ отбѣтокъ, какъ, напр., о томъ, когда кончена работа, понятно, что онѣ должны дѣлаться рукой не самого преподавателя, а кого либо изъ ассистентовъ: иначе онѣ не имѣютъ никакого смысла. Между тѣмъ въ большей части гимназій онѣ дѣлаются самимъ же преподавателемъ. Въ одной изъ гимназій наблюдали поочередно директоръ, инспекторъ и нѣсколько преподавателей; необходимо, по моему мнѣнью, постоянное наблюдение однихъ и тѣхъ же лицъ въ продолженіе всего испытанія.

Число ошибокъ въ работахъ.

Число работъ.	Г И М Н А З И И.	Логич.	Этимологич.	Синтаксич.	Лексич.	Стилист.	Орфографич.	Въ знакахъ препинанія.	Общее число ошибокъ.	Число ошибокъ на 1 работу.
31	Либавская Николаевская . . .	—	14	75	16	253	71	126	555	18
8	Митавская	—	—	10	61	156	2	7	236	29
29	Перновская	—	34	96	81	360	37	116	724	24
9	Ревельская Александровская .	—	5	10	7	261	24	84	391	43
10	Ревельская Имп. Николая I	—	1	19	4	58	7	21	110	11
22	Рижская Александровская . . .	45	5	18	44	106	28	40	286	13
14	Рижская городская VIII-а . . .	—	8	39	4	228	18	67	364	26
11	Рижская городская VIII-б . . .	—	5	15	4	116	12	42	194	17
12	Рижская Имп. Николая I .	—	8	3	9	13	9	4	46	3
16	Юрьевская	—	6	16	13	72	17	48	172	10
172	В С Е Г О	45	102	330	269	1738	240	660	3384	19

Оцѣнка работъ экзаменными комиссіями и общая.

Работъ имѣющихъ баллы:										Средній балль.	% удовлетворительныхъ работъ		
5	4	3	2	1	П О Ц Ъ Н К Ъ.				П О Ц Ъ Н К Ъ.				
Ком.	Общ.	Ком.	Общ.	Ком.	Общ.	Ком.	Общ.	Ком.	Общ.	Ком.	Общ.	Ком.	Общ.
1	—	1	—	3	6	4	3	1	1	2,70	2,50	50	60
—	1	3	—	17	7	11	21	—	2	2,74	2,25	64	25
1	1	1	—	5	3	1	4	—	—	3,25	2,75	87	50
—	—	—	—	25	16	4	13	—	—	2,86	2,55	86	55,17
—	—	2	1	6	4	1	4	—	—	3,11	2,66	89	55,55
2	2	2	3	5	2	1	3	—	—	3,50	3,40	90	70
—	—	11	11	11	9	—	2	—	—	3,50	3,41	100	90
—	—	1	1	10	7	3	6	—	—	2,86	2,64	78	57
—	—	1	—	9	9	1	2	—	—	3	2,82	90	82
—	—	2	—	9	8	1	4	—	—	3,08	2,66	91	66
—	—	1	—	13	9	2	7	—	—	2,93	2,56	87	56
4	4	25	16	113	80	29	69	1	3	3,01	2,70	83	58

Изъ 13 экстерновъ написали удовлетворительно 7, т. е. 54 %, средній балль 2,61.

В. Реальныя училища.

Какъ и въ гимназіяхъ, работы абитуриентовъ въ реальныхъ училищахъ въ отчетномъ году гораздо лучше работъ за прежніе годы. Во всѣхъ реальныхъ училищахъ, за исключеніемъ Ревельскаго, ученики владѣютъ русскимъ языкомъ почти удовлетворительно. Общій баллъ за всѣ сочиненія въ отчетномъ году 2,75. Удовлетворительныхъ работъ 64⁰/₀, но и неудовлетворительныя гораздо лучше прежнихъ; работъ, оцѣненныхъ балломъ 1, вовсе нѣтъ. Недостатки сочиненій заключаются, главнымъ образомъ, не въ языкѣ ихъ, а въ содержаніи.

Содержаніе сочиненій.

Тема сочиненія въ отчетномъ году была: „Нравственныя начала въ русской народной поэзіи.“ (При составленіи этого отчета, я не имѣлъ въ виду работы Ревельскаго реального училища на эту тему; ученики этого училища писали вновь въ августѣ на тему: „Значеніе Великой Сѣверной войны въ исторіи развитія Россіи.“ Оцѣнка этихъ работъ и входитъ въ настоящій отчетъ). Эта тема необходимо требовала, чтобы ученики прежде всего уяснили себѣ, что надо разумѣть подъ словомъ „нравственныя начала.“ Понятіе объ этомъ у нихъ должно было быть, какъ изъ курса литературы, такъ и изъ курсовъ религіи и исторіи. Къ сожалѣнію, у абитуриентовъ большей части училищъ этого понятія не оказалось. Очень многіе изъ абитуриентовъ подъ словомъ „нравственныя начала“ наивно разумѣли *нравственное состояніе народа въ началѣ* появленія русской народной поэзіи „во время возникновенія ея.“ Поэтому въ большей части училищъ абитуриенты стараются особенно останавливаться на „обрядовыхъ пѣсняхъ“, какъ остаткахъ язычества, хотя въ нихъ менѣе всего обнаруживаются нравствен-

няя начала, на мифическомъ элементѣ въ былинахъ; нѣкоторые даже находятъ возможнымъ прослѣдить исторію нравственнаго развитія народа отъ „начала появленія“ народной поэзіи и различаютъ періоды въ ней: языческой и христіанской, хотя о духовныхъ стихахъ, возникшихъ подъ вліяніемъ христіанства, ничего не упоминаютъ: видно, что на этотъ отдѣлъ народной поэзіи обращено было мало вниманія въ преподаваніи. Замѣчательно, что ни одинъ рецензентъ не замѣтилъ этого наивнаго пониманія темы, не понялъ, почему это ученики такъ усердно пишутъ объ обрядовыхъ пѣсняхъ, о мифическомъ элементѣ въ народной поэзіи, хотя рецензенты и замѣчаютъ, что говорить объ обрядовыхъ пѣсняхъ не на тему, потому что нравственныхъ началъ въ нихъ не видно, но для ученика-то, согласно съ его пониманіемъ темы, это и есть *начала*. Въ нѣкоторыхъ работахъ это высказано довольно ясно, напр., въ работѣ ученика Рижскаго городского реального училища № 7 такъ говорится; „Начиная съ *первыхъ началъ* нашей народной поэзіи, съ *обрядовыхъ пѣсенъ*, мы видимъ, что предки наши отличались религіозностью.“ Въ работѣ ученика того-же училища (№ 12) ученикъ пишетъ „характеристику простолудина *отдаленныхъ временъ*.“ Въ работѣ ученика Митавскаго реального училища № 10: „Большая часть нравственныхъ началъ русскаго народа *времени возникновенія* народной поэзіи.“ Въ работѣ ученика того-же училища № 20: „*Первыя по происхожденію* были пѣсни, которыя раздѣляются на бытовые и семейныя.“

Но большею частію абитуриенты, подъ словами „нравственныя начала“, разумѣютъ „*нравственное состояніе*“, вообще „*нравственность*“ русскаго народа, которую они и стараются показать на основаніи произведеній русской народной поэзіи, различая въ этой нравственности „черты хорошія и дурныя.“ или „положительныя и от-

рицательныя,“ употребляя иногда вмѣсто слова „черты“, слово „начала.“ Противъ этого пониманія темы преподаватели ничего не имѣютъ, лишь бы только ученики говорили о чертахъ „нравственныхъ,“ а не переходили бы въ черты „быта“ народнаго. Говоря о нравственныхъ чертахъ русскаго народа, ученики, на ряду съ хорошими его чертами, указываютъ и дурныя, а нѣкоторые особенно останавливаются на дурныхъ, объясняя эти черты невѣжествомъ русскаго народа, дикостью его, особенно въ ту „начальную“ эпоху жизни русскаго народа, о которой ученики считаютъ себя обязанными говорить. Тутъ они бичуютъ дикій произволъ въ семьѣ, на основаніи народныхъ пѣсенъ, жестокость, насиліе старшихъ надъ младшими, пьянство и пр., подбираютъ пословицы, въ родѣ: „бей жену молотомъ — будетъ какъ золото,“ „люби жену какъ душу, а тряси какъ грушу,“ „правда въ дѣло не годится, ее поставитъ въ кіотъ да молиться,“ „на небо не гляди, а на землѣ пошаривай.“ Тутъ ученики пускаются въ такія умныя разсужденія, что „у русскаго народа не допускалось и мысли о томъ, что дѣти могутъ быть умнѣе родителей,“ что „народъ грѣшитъ противъ истины, будто-бы старшіе всегда и все знаютъ лучше младшихъ.“ Тутъ встрѣчаются разсужденія, въ которыхъ проглядываетъ ясно инородческая тенденція, напр., *„Другой безотрадной чертой въ характеръ русскаго народа является его вѣчная жалоба на судьбу, на преслѣдованіе горя; отсюда пристрастіе къ крѣпкимъ хмѣльнымъ напиткамъ, и русская удалъ, проявляющаяся такъ часто въ нетрезвомъ состояніи и выраженная въ нѣкоторыхъ разбойничьихъ пѣсняхъ, есть ничто иное, какъ болѣзненное проявленіе подавленной несчастіями души.“* Замѣчательно, что одинъ ученикъ не написалъ ничего о дурныхъ нравственныхъ чертахъ русскаго народа, такъ преподаватель пишетъ: „слѣдовало-бы указать и на обо-

ротную сторону медали: хвастливость (на эту черту русскаго народа, дѣйствительно, очень многіе ученики указываютъ, но откуда они это взяли? Можетъ быть на основаніи словъ Ильи Муромца: „*Боярскіе роды хвастливые*“); любовную (?) идеализацію пьянства, преклоненіе (?) передъ грубою физическою силою и т. под.“ (Митавское реальное училище).

Безспорно, что въ дѣйствительной жизни русскаго народа, какъ и всякаго другого, есть много дурныхъ чертъ и поэзія народная, рисуя намъ нравственныя идеалы, въ то же время изображаетъ и ту нравственную жизнь, которая представляетъ полное уклоненіе отъ идеала. Есть въ народной поэзіи цѣлыя отдѣлы творчества, напр., извѣстнаго рода сказки, на основаніи которыхъ, если характеризовать народъ, то онъ выйдетъ чудовище безнравственности. Но дѣло не въ этомъ, и не этого требовала назначенная тема; этого и не могла требовать тема для ученическаго сочиненія: эти уклоненія отъ нравственности, всегда и вездѣ существующія, никакъ не могутъ назваться „нравственными началами“ жизни народа, а слѣдовательно и проявленія этихъ уклоненій въ народной поэзіи никакъ не могутъ назваться „нравственными началами въ народной поэзіи“. По мнѣнію учениковъ и большинства преподавателей, во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣка и во всѣхъ его даже словахъ проявляются его „нравственныя начала.“ Это положительно невѣрно: человѣкъ можетъ поступать дурно и въ то же время живо сознавать уклоненіе свое отъ обязательныхъ нравственныхъ началъ, предписываемыхъ ему совѣстью, религій. Если и возможно допустить совершенное несознание этихъ началъ у отдѣльнаго человѣка, то невозможно допустить этого у цѣлаго народа, который высказывается въ своей поэзіи, особенно у такого народа, который не даромъ называется у Достоевскаго „Христоносцемъ,“ не смотря на

то, что этотъ народъ, по словамъ того же Достоевскаго, постоянно грязнится нравственно. „Нравственное начало“ есть то высшее, глубочайшее въ сознаниіи народа, чѣмъ онъ живетъ нравственно, что не даетъ ему, какъ цѣлому, опуститься совсѣмъ въ тину пошлости и животности. Нужды нѣтъ, что болѣе или менѣе полно осуществляютъ эти нравственныя начала только очень немногіе въ народѣ; въ общей массѣ народа все-таки никогда не заглушается вовсе, на основаніи этихъ началъ, различіе добра отъ зла, хорошаго нравственно отъ дурного. То, что народъ изображаетъ въ своихъ пѣсняхъ тяжелыя семейныя отношенія, никакъ не есть доказательство того, что у русскаго народа нравственное начало заключается въ подавленіи сильнымъ слабаго, въ особенности женщины, въ отнятіи у дѣвушки права на свободный выборъ мужа; напротивъ, именно то, что такого рода явленія въ жизни изображаются въ пѣсняхъ, какъ печальныя, грустныя, ненормальныя, указываетъ, что начала-то нравственныя въ народѣ совсѣмъ другія; претерпѣвать, выносить положеніе, противорѣчащее нормальному,—еще не значитъ признавать это положеніе вытекающимъ изъ истиннаго начала нравственной жизни. Если пѣсня говоритъ, что мать выдала свою дочь замужъ за немилаго, ради „ближняго перепутьца: и я въ городъ пойду — побывать зайду и изъ города пойду — ночевать зайду,“ то въ этихъ словахъ всякому понимающему дѣло, какъ оно есть, слышится иронія, осужденіе этого явленія, на основаніи понятнаго всякому нравственнаго начала, которое не согласуется съ эгоизмомъ, хотя бы и материнскимъ, такъ какъ здѣсь больше эгоизма материнскаго, чѣмъ заботы о дочери. Жестокость старшаго въ семьѣ по отношенію къ младшимъ, мужчины по отношенію къ женщинѣ всегда изображается въ пѣсняхъ въ отвратительномъ видѣ: значитъ это не есть нравственное нача-

до жизни. Обыкновенно привыкли всякую народную поговорку считать за выражение положительных взглядовъ народа, „началь“, между тѣмъ, какъ, можетъ быть, цѣлая половина пословицъ не что иное, какъ иронія, выражаетъ факты дѣйствительные, основанные на житейской практикѣ, хотя эта практика совершенно несогласна съ нравственными началами; народъ очень хорошо понимаетъ эту иронію въ громадномъ числѣ пословицъ; люди же книжные, на основаніи опредѣленія поговорки, что она выражаетъ „мудрость народную“, всякую поговорку принимаютъ за чистую монету, за „начало“ нравственной жизни народа, даже такія поговорки, какъ, напр.: „стыдъ глаза не выѣсть.“ Такимъ образомъ, начала нравственной жизни могутъ быть только положительныя, которыя изображаются въ народной поэзіи то положительно, когда она съ сочувствіемъ изображаетъ прекрасныя нравственныя явленія, то отрицательно, когда изображаетъ дурныя нравственныя явленія въ смѣшномъ или отвратительномъ видѣ. Серьезное, убѣжденное отрицаніе положительныхъ началъ было бы нравственной смертью народа, а никакъ не можетъ быть началомъ жизни нравственной. Изъ этого, надѣюсь, видно, что „пьянство, хвастовство, прекло-неніе предъ физической силой“ никакъ не могутъ быть нравственными началами жизни какого-нибудь народа; если же только подобнаго рода явленія обнаруживались бы въ жизни какого-либо народа, и эти явленія считались бы нормальными, одобрялись бы народнымъ мнѣніемъ, то это значило бы только, что у этого народа никакихъ нравственныхъ началъ нѣтъ.

Кромѣ „чертъ народной нравственности“, большинство абитуриентовъ въ сочиненіи представляетъ такъ же „черты народнаго быта“ на основаніи народной поэзіи, а часто и не на основаніи народной поэзіи; тутъ

уже всѣ рецензенты замѣчаютъ, что это не на тему.

Такимъ образомъ, огромнымъ большинствомъ абитуриентовъ тема худо понята или совсѣмъ не понята. Нѣкоторый намекъ на правильное пониманіе темы есть въ одной работѣ Рижскаго реального училища Императора Петра I и нѣсколькихъ работахъ Ревельскаго реального училища. Плохо понятая тема не могла быть, конечно, толково и развита: большая часть абитуриентовъ пишутъ все, что они знаютъ о народной поэзіи, не задаваясь никакой мыслью.

Планы сочиненій.

Большею частію ученики прилагаютъ къ своимъ сочиненіямъ планы, но, откровенно сказать: большею частію лучше было-бы, если-бы ихъ не было. Эти планы отличаются безсодержательностью и совершеннымъ отсутствіемъ логики. Обыкновенно въ нихъ очень много частей, непроникнутыхъ никакимъ общимъ началомъ и входящихъ одна въ другую. Часто планы и не переписываются набѣло, какъ часть сочиненія совершенно излишняя. Для того, чтобы ученики хорошо составляли планы сочиненій, рѣшительно необходимо, чтобы преподаватели каждый разъ, назначая курсовую тему, вырабатывали планъ сочиненія *вмѣстѣ съ учениками*, путемъ бесѣды съ ними. Это необходимо не только для плановъ сочиненій, но и для того, чтобы пріучить учениковъ вникать въ смыслъ темы и послѣдовательно ее развивать, держась главной мысли. При составленіи этихъ же плановъ, ученики пріучились бы находить цѣнный, содержательный матеріалъ для каждой части сочиненія, чтобы не ограничиваться общими безсодержательными фразами. Образцы такихъ плановъ находятся въ темахъ Холевіуса, Гаврилова и др. Надобно, однако же, замѣтить, что никогда планъ готовый, хотя-бы даваемый Холевіусомъ, не годится въ пол-

номъ видѣ, даже въ главнѣйшихъ его частяхъ, для учениковъ; планъ долженъ зависѣть отъ того матеріала, который имѣется у учениковъ даннаго класса и еще болѣе у самого преподавателя, который долженъ руководить при составленіи плана. Каждая тема можетъ быть развита по многимъ планамъ, вполне цѣлесообразнымъ, смотря по исходной точкѣ зрѣнія на предметъ. Преподаватель долженъ воспользоваться всѣмъ, что есть лучшаго у учениковъ даннаго класса для развитія темы и чѣмъ онъ самъ вполне обладаетъ. Составленіе плана должно быть въ то же время основательнымъ и, по возможности, всестороннимъ изученіемъ предмета темы. Хорошо, если преподаватель, во время бесѣды съ учениками, при открывшемся новомъ, непредвидѣнномъ матеріалѣ, измѣнилъ бы вовсе планъ сочиненія и это сдѣлалъ бы нѣсколько разъ: тогда ученики почувствовали бы, что значить планъ сочиненія, какъ онъ зависитъ отъ матеріала, какъ цѣлое зависитъ отъ частей. Выработанный такимъ образомъ планъ долженъ быть ясно написанъ на доскѣ, ученики должны списать его и писать именно по этому плану. Когда ученики будутъ знать, что они должны будутъ писать по данному плану, они непременно будутъ принимать живое участіе въ составленіи его. Только классныя работы могутъ писаться безъ такой совмѣстной выработки плана. Эта серьезная разработка плановъ сочиненій непременно отразится и на самостоятельныхъ экзаменныхъ работахъ и при томъ отразится не только собственно на планахъ, но еще болѣе на всемъ содержаніи сочиненій, приучить ихъ болѣе серьезно и обстоятельно развивать тему. Фальшивый взглядъ учениковъ на планъ сочиненія виденъ изъ того, что ученики передъ экзаменомъ запасаются сборниками темъ съ планами, особенно сборникомъ Весина, и вызубриваютъ эти планы, не понимая, что это нисколько не можетъ

содѣйствовать достоинству ихъ сочиненій, хотя бы они вызубрили планъ и на ту тему, которая дана: этотъ планъ только свяжетъ ихъ мысль, лишитъ ихъ самостоятельности мысли и не дастъ имъ показать тѣхъ знаній и тѣхъ мыслей, которыми они дѣйствительно обладаютъ. Совершенное непониманіе, что такое планъ сочиненія, видно, между прочимъ, изъ того, что сплошь и рядомъ ученикъ пишетъ часть 1 и нѣтъ части 2, и преподаватели никогда этого не замѣчаютъ.

Языкъ сочиненій.

Бѣдность содержанія, бѣдность мысли въ сочиненіяхъ отражается, конечно, и въ бѣдности языка, не имѣющаго надлежащей ясности, точности и выразительности. Съ грамматической точки зрѣнія, однако же, языкъ въ большинствѣ работъ правильный, и это большой прогрессъ въ работахъ Рижскаго учебнаго округа. Исключеніе составляютъ только работы Ревельскаго реального училища, гдѣ языкъ совершенно невозможный; впрочемъ, таково же и содержаніе работъ. Приведемъ въ примѣръ отрывокъ изъ работы одного ученика этого училища, которая признана испытательной комиссіей удовлетворительной: (тема: „Значеніе Великой Сѣверной войны въ исторіи развитія Россіи“) „Пушкинъ въ своемъ *стихотвореніи*: „*Полтавскій бой*“ говоритъ, что Петръ *выпиль на здоровіе* шведскихъ плѣнныхъ генераловъ, какъ своихъ учителей, и *благодарилъ имъ*, потому что они *учились ему* вести войну. Война съ Россіей кончилась Ништадскимъ миромъ. По этому *мирозаключенію* Россія приобрѣла Ингрію, Эстляндію и Лифляндію. Конечно, прямымъ слѣдствіемъ этого мира было военный и торговый флотъ на Балтійскомъ морѣ. Первый, чтобы защищать новыя владѣнія, второй, чтобы *воспользоваться ихъ мѣтніемъ*. Первенство же перешло на Россію.“

Другой отрывокъ изъ работъ того же училища, признанныхъ удовлетворительными: „Прорубивъ окно въ Европу,“ по словамъ Петра, завязалась внѣшняя морская торговля Европы съ Россіей, которой самъ Петръ Великій помогаль, уничтоживъ пошлину для прибывавшихъ купеческихъ кораблей. Съ улучшеніемъ внѣшней торговли, быстро начала процвѣтатъ цивилизація во всей Россіи и то благодаря только удобному пути въ сношеніи съ Европой.“

О р е о г р а ф і я .

Ореографія въ общемъ удовлетворительна. Въ одной работѣ мы замѣтили неисправленный рецензентами такой переносъ слова: без—ыскусственный. Такой переносъ слова невозможенъ въ виду того, что ни одно русское слово не начинается съ *ы*; притомъ, въ *ы* здѣсь слились *ъ* отъ предлога *безъ* и *и* отъ предлога *изъ*.

Разсмотрѣніе и оцѣнка работъ.

Разсмотрѣны работы внимательно. Въ реальныхъ училищахъ рецензіи менѣе страдаютъ тѣмъ многословіемъ, какое замѣчается въ гимназіяхъ, работы, большею частію дѣйствительно исправляются, а не сопровождаются только замѣчаніями и восклицаніями со стороны рецензентовъ. Всегда обращается вниманіе на вѣрность пониманія темы, хотя въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли, сами преподаватели весьма часто невѣрное пониманіе темы признаютъ вѣрнымъ. Мало обращается вниманія на логичность въ планахъ, и крупнѣйшіе недостатки въ нихъ оставляются безъ замѣчаній. На послѣдовательность мыслей въ изложеніи большею частію обращается достаточно вниманія; языкъ и ореографія исправляются тщательно.

Оцѣнка работъ большею частію правильная. Большая часть испытательныхъ комиссій понимаетъ, что

снисходительность въ оцѣнкѣ должна имѣть границы, что нельзя работу, крайне бѣдную смысломъ, или написанную совершенно уродливымъ языкомъ, признавать удовлетворительною только на основаніи того, что въ ней мало орфографическихъ ошибокъ: среднія учебныя заведенія даютъ право на поступленіе въ высшія учебныя заведенія, даютъ право на службу гражданскую и общественную, требующую достаточнаго общаго образованія. Наконецъ, непомерная снисходительность задерживаетъ успѣшность учениковъ, а при томъ, надо помнить, что тутъ преподаватели являются снисходительными собственно къ самимъ себѣ, къ своимъ малымъ успѣхамъ въ обученіи, а быть слишкомъ снисходительными къ самимъ себѣ—во всякомъ случаѣ дѣло нехорошее. Замѣчанія эти относятся, впрочемъ, исключительно только къ Ревельскому реальному училищу, гдѣ работы, крайне плохія, *всѣ* признаны удовлетворительными, тогда какъ по самой снисходительной оцѣнкѣ, не переступающей мѣры должнаго, только двѣ изъ 8 работъ могутъ быть признаны до нѣкоторой степени удовлетворительными, большинство же остальныхъ работъ скорѣе приближаются къ баллу 1, чѣмъ 2.

По достоинству работъ, реальныя училища идутъ въ такомъ порядкѣ:

Средній баллъ.

1. Юрьевское 2,89
2. Рижское Императора Петра I. 2,85
3. Митавское. 2,82
4. Либавское. 2,75
5. Рижское городское 2,71
6. Ревельское . . . . . 2,25.

По оцѣнкѣ самихъ комиссій, училища шли бы въ такомъ порядкѣ:

Средній балль.

1. Митавское.	3,23
2. Рижское Императора Петра I	3,07
3. Ревельское	3,00
4. Юрьевское	3,00
5. Либавское.	2,87
6. Рижское городское	2,78.

Порядокъ во время исполненія письменныхъ работъ.

Относительно порядка во время исполненія письменныхъ работъ обращаетъ на себя вниманіе то, что, какъ видно изъ протокола Юрьевскаго реальнаго училища, *всѣ* ученики этого училища выходили во время исполненія работъ и притомъ *всѣ* по окончаніи черновой работы, какъ будто это уже такъ должно, тогда какъ въ Правилахъ объ испытаніяхъ допускается выходъ учениковъ, подъ благонадежнымъ надзоромъ, „только въ случаѣ крайней необходимости.“

Число работъ абитуриентовъ.	Название училищъ.	Число ошибокъ въ работахъ реальныхъ училищъ.									Отмѣтки за работы, поставленныя комиссиями и общія.									
		Логическихъ.	Этимологич.	Синтаксич.	Лексическихъ.	Стилистич.	Орографич.	Въ знакахъ препинанія.	Общее число ошибокъ.	Ошибокъ на одну работу.	Работы, имѣющихъ баллы.			% удовл. работъ.	Средній балль.					
											4	3	2		По оцѣнкѣ.		По оцѣнкѣ.			
		Ком.		Общ.		Ком.		Общ.		Ком.		Общ.		Ком.		Общ.				
		Ком.	Общ.	Ком.	Общ.	Ком.	Общ.	Ком.	Общ.	Ком.	Общ.	Ком.	Общ.	Ком.	Общ.	Ком.	Общ.			
8	Либавское	—	5	25	5	74	15	53	177	22	—	—	7	6	1	2	88	75	2,87	2,75
22	Митавское	—	10	77	42	201	69	114	513	23	5	2	17	14	—	6	100	73	3,23	2,82
8	Ревельское	—	3	28	10	28	18	44	131	16	—	—	8	2	—	6	100	25	3	2,25
14	Рижское городское	—	10	36	60	104	15	77	302	21	1	1	9	8	4	5	71	64	2,78	2,71
14	Рижское Имп. Петра I 64*)	7	23	7	240	16	27	384	27	3	3	9	6	2	5	85	64	3,07	2,85	
9	Юрьевское	—	6	11	10	102	14	35	178	19	2	2	5	4	2	3	78	67	3	2,89
75	ВСЕГО	64	41	200	134	749	147	350	1625	21	11	8	55	40	9	27	88	64	3,02	2,75

Изъ 5 работъ экстерновъ удовлетворительныхъ 2. Средній балль за работы экстерновъ 2,40.

(*) Логическія ошибки подсчитаны преподавателемъ только въ этомъ училищѣ.

 Est.
 A-10499
 9517